

МБОУ «Карпогорская средняя школа №118»

Учебно-методический продукт

**Подборка текстов из произведений Ф.А.Абрамова для использования в
урочной и внеурочной деятельности учителя - словесника**

Автор: Худякова Ирина Николаевна,
учитель русского языка и литературы
МБОУ «Карпогорская СШ №118»
Пинежского района Архангельской области

Карпогоры
2020

Пояснительная записка

В работе учителя-словесника много времени занимает подбор дидактического материала к урокам и внеклассным мероприятиям, особенно по литературе. Тексты объемные, не всегда есть в учебниках, например, по изучению регионального компонента. Поэтому в моей практической деятельности накопился материал по изучению творчества Ф.А.Абрамова.

Изучению творчества Ф.А.Абрамова отводится время учебных часов с 5 по 11 класс, в том числе и в рамках изучения регионального компонента на уроках литературы, и на уроках родной литературы. К таким урокам дается ученикам задание прочитать то или иное произведение писателя, но на практике сталкиваешься с проблемой, что «нет книги», «не было времени сходить в библиотеку», «не успел прочитать, так как большое произведение». Поэтому иметь на уроке раздаточный материал в виде небольших произведений, инсценированных сцен из произведений или отрывков из них – большая помощь учителю.

Этот материал пригодится и для работы во внеклассной деятельности словесника. Учителю часто приходится готовить детей к творческим конкурсам различного уровня. Это «Калейдоскоп талантов», «Абрамовский марафон», «Живая классика», «Страница 20» и другие конкурсы, где детям нужно показать свои артистические способности выразительного художественного чтения. Сами дети затрудняются в выборе текстов, поэтому это приходится делать учителю. Не любое произведение подходит для детского чтения, поэтому я распределила их по возрастным категориям (классам: 5-6, 7-8, 9-11).

Мной проделана творческая работа по созданию инсценированных сцен по произведениям. Это «Из рассказов Олены Даниловны», «Валенки», «Сказание о великом коммунаре», «Золотые руки». Инсценировки по произведениям наиболее интересны детям, они с желанием разбирают роли и читают по ролям и на уроках, и во внеклассных мероприятиях. Тексты небольшого объема, поэтому под силу для заучивания наизусть.

Использованы произведения Ф.А.Абрамова:

«Из рассказов Олены Даниловны», «Валенки», «Сказание о великом коммунаре», «Золотые руки», «Трава-мурава», «Были-небыли», «Братья и сестры».

Область применения: для подготовки уроков и внеклассных мероприятий по изучению творчества Ф.А.Абрамова в 5-11 классах.

Произведения для работы в 5-6 классах: миниатюры о природе из романа «Братья и сестры», рассказ «Из рассказов Олены Даниловны».

Произведения для работы в 7-8 классах: рассказы «Валенки», «Золотые руки», «Сказание о великом коммунаре», цикл коротких рассказов «Трава – мурава».

Произведения для работы в 9-11 классах: цикл коротких рассказов «Были-небыли», роман «Братья и сестры», очерк «О первом учителе», рассказ «Сосновые дети».

Для 5-6 классов

Капель.

Весна, по всем приметам, шла скорая, дружная. К середине апреля на Пинеге зачернела дорога, уставленная еловыми вёшками, засинели забереги, в тёмных далях мелкоколосья проглянули розовые рощи берёз.

С крыш капало. Из осевших сугробов за одну неделю выросли дома – большие, по-северному громоздкие, с мокрыми, почерневшими бревенчатыми стенами. Днём, когда пригревало, на косогоре вскипали ручьи, и по деревне волнующе расстился горьковатый душок оттаявших кустарников.

Началось лето.

Вдали глухо бухнуло – тёмные, тяжёлые тучи поползли на деревню. Они ползли медленно, грозно клубясь и властно разрастаясь до самого горизонта. Над деревней стало темно и немо. Даже скотина притихла в ожидании. И вдруг оглушительный грохот сотряс землю...

По всей деревне захлопали двери, ворота. Люди выбегали на улицу, ставили ушаты под потоки и под проливным дождём радостно перекликались друг с другом. По весенним лужам, как жеребята, носились босоногие ребяташки.

Началось короткое северное лето...

Белая ночь.

И день не день и ночь не ночь...

Таинственно, призрачно небо над безмолвной землёй. Дремлют в окружении леса – тёмные, неподвижные. Не потухающая ни на минуту заря золотит их остроконечные пики на востоке.

Сон и явь путаются в глазах. Бредёшь по селенью – и дома, и деревья будто тают и зыбятся слегка, да и сам вдруг перестаёшь ощущать тяжесть собственного тела, и тебе уже кажется, что ты не идёшь, а плывёшь над притихшей деревней...

Тихо, так тихо, что слышно, как, осыпаясь белым цветом, вздыхает под окном черёмуха. От деревянного днища ведра, поднятого над колодцем, отделится нехотя капля воды – гулким эхом откликнется земная глубь. Из приоткрытых хлевов наплывает сладковатый запах молока, горечь солнца излучает избяное дерево, нагретое за день. Заслышав шаги, пошевелится под крышей голубь, воркнув спросонья, и тогда, медленно кружась, полетит на землю лёгкое перо, оставляя за собой в воздухе тоненькую струйку гнездовьяго тепла.

Алые олени.

Самый красивый бор на Пинеге – это Красный бор.

Лес – загляденье: сосняк да лиственница в небо вросли. В урожайные годы грибов да ягод – лопатой гребни.

Но самое удивительное, самое незабываемое на этом бору – олени. Рано утром возвращаешься домой, когда только-только поднимается над лесом солнце. И вдруг – какой-то шорох и треск в стороне от дороги.

Алые олени. Летят во весь мах по белой поляне, и солнце, само солнце, несут на своих ветвистых рогах...

Кончилось лето.

Короткое северное лето кончилось...

Туман, туман над деревней... Как будто белые облака спустились на землю, как будто реки молочные разлились под окошком...

К полудню туман осядет, вынырнет ненадолго солнце, и в небе увидишь журавлей. Летят своим извечным клином, тоскливо и жалобно курлыкая, как бы извиняясь: мы-то в тёплые края улетаем, а тебе-то тут куковать.

Серебряные сполохи.

Короток, хмур декабрьский денёк. Снежные сумёты вровень с окошками, мутный рассвет в десятом часу утра. Днём прочиркает, утопая в сугробах, стайка детишек, возвращающихся из школы, проскрипит воз с дровами или сеном – и вечер. В морозном небе за деревней начинают плясать и переливаться серебряные сполохи – северное сияние.

На воробьиный скок.

Ненамного – всего на воробьиный скок – прибавился день после Нового года. И солнце ещё не грело – по-медвежьи, на четвереньках, ползало по еловым вершинам за рекой. А повеселее стало жить.

«Из рассказов Олёны Даниловны»

Автор: В дачку Туркиных я влюбился сразу. Домик, правда, неказистый, щитовой, под цвет густой зелени, так что издали не скоро и разглядишь, зато всё остальное – благодать. Я в жизни не видел столько пернатой мелочи. Воробьи, синички, зяблики, малиновки, скворцы – этих не пересчитать. Эти носились стаями. Да там жил и дятел, и дрозды-рябинники. Поначалу я думал: причиной тому лес, который на задах подступает к самому забору, но Вовка, ласковый шестилетний мальчуган, забраковал моё объяснение.

Вовка: - Не, *(замотал он головой)* – У нас бабушка колдунья. Она их приманивает.

О.Д.: - Ай-яй-яй, Владимир! И не стыдно тебе понапраслину на бабушку возводить. Наслушался всяких глупостей от соседей, вот и повторяешь, а разве не знаешь, чем твоя бабушка божью тварь к себе завлекает?

Автор: Олёна Даниловна повела меня по усадьбе. Батюшки! Черепки с подсолнечником, с гречей, с пшеном, с льняным и конопляным семенем, баночки с водой, тарелочки... Повсюду, чуть ли не под каждым кустом.

О.Д.: - Вот ведь каким колдовством твоя бабушка птичек приманивает, тем, которым в магазинах торгуют.

Вовка: - Бабушка у нас доктор Айболит.

О.Д.: - Да уж, бессловесная тварь на меня не пообидится. Грача – лапка была сломана – выходила, больше месяца костылик носил. Скворчишек – тех за свою жизнь без счёта спасала, может, десятка два или три. Журка – хромым был – тоже на ноги поставила.

Вовка: - А зверюшек-то, бабушка, забыла?

О.Д.: - Ну, про тех что и говорить. Тех и вспоминать, не вспомнить. У меня дома всегда свой зоопарк был. Да и здесь не одни с Владимиром живём. В кустах смородины у колодца живёт Василиса Прекрасная – большая пучеглазая лягушка с забинтованной задней лапкой.

Вовка: - Это на неё ворона напала, когда она через дорогу переходила. Мы как раз с бабушкой из магазина шли.

О.Д.: - На тёплом песочке под окошком греется черепаха по имени Марья-торопыга, у дровяного сарая живёт Ёж Ежович, около веранды промышленяет Борька – бурундук.

Автор: Я прожил на даче у Туркиных 4 дня, и за это время каких только рассказов и историй не наслушался от Олёны Даниловны. Некоторые из них я записал.

«Из рассказов Олёны Даниловны» (Про кота Василия Ивановича)

Автор Из всего зверья, перебивавшего у Олёны Даниловны за её долгую жизнь, больше всего она любила Василия Ивановича. Про него она могла рассказывать

часами – живо, с подробностями, и послушать её, так на свете и среди людей не много таких умниц, как этот кот.

ОД - А как же, бельчат по ночам кто у нас стерёг? Разве кошачье это дело? Я начну кому рассказывать – врешь, бабка. А за грибами – слыхано, чтобы кот ходил? А Василий Иванович ходил. Да, да, да! Мы с Владимиром в лес – и он за нами. В сторонку отбежит: «Мяу-мяу». – «Иду, иду, Васенька». И так и знай: белый. Других грибов не признавал. А пьяниц взять. Отец у нас иной раз домой придёт – зашумит, а уж Василий Иванович ему лапой: не смей! А ежели ещё дружков приведёт – беда! Готов глаза выцарапать.

Вовка - Бабушка, а расскажи, как Василий Иванович клубничку воровал!

(Олёна Даниловна затряслась от смеха)

ОД – Было, было такое дело. Проштрафился у меня Василий Иванович. С Амиком они этот номер выкинули. Собачка тутошняя, пёсик соседский.

Автор - Кот и собака – клубничку?

ОД - Ну. Форменными ворами стали. Потому что не теперь сказано: чужая ягода слаще. Да, да бесконтрольность почувствовали. Решили, что им всё можно. Я раз гляжу, где Василий Иванович, другой гляжу. Так всё на глазах, всё с Амиком со своим, а тут ни которого нет. Потом смотрю – чего трава у забора шевелится, а то они выкатывают. С налёту. Амик бесхитростный, ничего в себе не держит: гав-гав, там, за забором, были. А мой-то даже не глядит на меня. Старый гусь, хитрющий – только головой водит да усами подёргивает. «Ох, - думаю, - плутяга, погоди у меня, дознаюсь, что там делаешь, выведу тебя на чистую воду». Ладно. На другой день я начеку. Затаилась за кустом, поджидаю ихнюю встречу. А они встретились, обнюхали друг друга да, недолго думая, к забору. Впереди Василий Иванович, сзади Амик. Привычное дело! Не первый раз занимаются – в траве у них уж тропка своя протоптана. Вот к забору-то они подошли, а я за ними. Батюшки! Василий-то Иванович у меня на грядке клубничку кушает, а Амик где? А Амик в дозоре – на дорожке сидит да на дом посматривает.

Автор - Ну уж и посматривает?

ОД - Вот те бог! Чистая правда!

Вовка - Бабушка, бабушка, дальше!

ОД - Василий Иванович, скушав две-три ягодки, уступил место Амиду, а сам встал в дозор.

Вовка - Вот какой у нас учёный кот! Как в «Руслане и Людмиле». Правда?

ОД- Да, да, такой вот проказник (рассмеялась Олёна Даниловна). Ведь это надо же додуматься: Амика в дозор, а сам сладкой ягодкой лакомиться! Ну уж я пожурила, посовестила тогда Василия Ивановича. Получил он у меня по заслугам. «Это что же, говорю, батюшка мой, получается? Я к тебе с доверием, а ты себя на хулиганство заводишь, да ещё и Амика с толку сбиваешь. Каково мне из-за тебя краснеть придётся? Так вот на этом и кончилась у них дружба с Амиком.

Автор - Почему?

ОД- А из-за гордости. Не понравилось, что я его при Амике побранила да посовестила. Тем часом и кончилась у них дружба.

Для 7-8 классов

«Самая богатая невеста»

Я самая богатая невеста была, вот ей-богушки! В дом к жениху привезли – вся деревня сбежалась. Все в рвани, в обносках – о господи, глаза бы не глядели. Время-то како было. А я-то как царевна разодета! Платье шёлково, рубаха белая с кружевами, рукава лентами перевязаны, янтари, бусы на груди, на ногах полусапожки на высоком каблуку.

Ну, ну, ахают все! А родни-то со мной понаехало! У свекровы - покойницы глаза на лоб вылезли – чем и угощать? А родня – один достаёт пирог, другой – вина четверть, третья – картофельник. Сознательные! Со своими хлебами, со своим вином приехали.

А как кончился пир-то, я и гола осталась. Да. Не понимаете? Не отгадать загадки? Да меня в складчину в своей деревне одели. Кто чего мог принёс. Время-то сами знаете, какое было. Вот после пира-то меня и раздели, как новогоднюю ёлочку после праздника, да все наряды с собой и увезли.

«Валенки»

Автор: У Косовых дом разодет, как невеста. На верёвках вокруг дома развешаны яркие шёлковые платья, всевозможные шали, платки, одежда верхняя, обувь, меховые шапки. По-старинному сказать – это сушка нарядов, от моли, от мышей, но в то же время это и смотр благосостояния семьи, приданого дочерей. Дарья Леонтьевна, хозяйка всего этого великолепия, сияет с головы до ног! Это ведь она всё нажила, своими рученьками, 12-ти лет без родителей осталась. Я от души радуюсь вместе с Дарьей Леонтьевной и с удовольствием обхожу весь этот пёстрый, пахучий парад и вдруг на видном месте, возле самого крыльца, замечаю два старых, растоптанных, без подошв чёрных валенка.

- А эти молодцы как сюда попали?

Д.Л.: А от этих молодцов я жить пошла.

Автор: - Жить?

Д.Л.: Жить. Мне эти валенки в лесу дали. Первая премия в жизни. И вот жалко, никак не могу выбросить. (*Д.Л. прошибает слезой*). Мне 14 лет было, когда меня на лесозаготовки выписали. И вот раз прихожу в барак из лесу. «Новый год, - говорят, - завтра». Эх, думаю, и мне надо Новый год отметить. А как? Чем? У нас тогда, в войну, не то что хлеба, катрошки-то досыта не было. А давай, думаю, у меня валенки сухие в новом году будут. Положила в печь, легла на нары. Думаю, полежу немножко, выну. А проснулась утром – вскочила, к печи-то подбегаю, заслонку открываю, а у меня от валенок-то одни голяшки. Сгорели. Жарко топили печь. Я вся в слезах к начальнику лесопункта. Босиком. По снегу. «Так и так, говорю, Василий Егорович, у меня валенки сгорели, что мне делать?» - «А что хошь делай, а чтобы к утру завтра была на работе. А то под суд отдам». Пошла домой – 8 вёрст до дому. Из шубы маминой два лоскута вырезала, ноги обернула да так и иду домой по лесу.

Пришла домой, а что возьмёшь дома? Катя, сестрёнка младшая, в детдоме, изба не топлена, на улице теплее. Вот я села на крыльцо, плачу. Идёт старичок, конюхом робил. «Чего, девка, ревёшь?» - «Валенки сожгла. Начальник сутки дал, а где я их возьму». – «Ничего, говорит, не плачь. Пойдём ко мне на конюшню, что-нибудь придумаем». Вот пришла на конюшню, тепло у дедушки, да я только села на пол к печке, прижалась, как к родной мамушке, и уснула. До самого вечера спала. А вечером меня дедушко будит: «Вставай, ладно, нет, я чего скорестил». Я гляжу и глазам не верю: бурки тёплые, эдакие шони из войлока от хомутов старых сшил. Я надела бурки да до самого барака без передышки бежала. В лесу темно, а я бегу да песни от радости пою. Успела. Не отдадут под суд.

А через полгода, уж весна была, приезжает к нам сам секретарь райкома. «Кто у вас тут хорошо работает, кого наградить за ударный труд?» - «Дарка, говорят, всех моложе девка, а хорошо работает». – «Чем тебя наградить за хорошую работу?» - «А дайте, говорю, мне валенки». – «Будут тебе валенки». И вот осенью-то валенки чёрные привёз. Я долго их носила. Бережливо. Первые-то 5 лет только как выходные, а потом уж и каждый день. Вот какие у меня эти валенки.

«Золотые руки»

Мария: - Александр Иванович, меня на свадьбу в Мурманск приглашают. Подруга замуж выходит. Отпустишь?

Председатель колхоза: - А как же телята? С телятами-то кто останется?

Мария: - Маму с пенсии отзову. Неделю-то как-нибудь, думаю, выдержит.

Председатель колхоза: - Поезжай, поезжай, Мария! Да только от жениха подальше садись, а то с невестой перепутает.

Автор: Председатель говорил от души. Он всегда любовался Марией и втайне завидовал тому, кому достанется это сокровище. Красавицей, может, и не назовёшь, и ростом не очень вышла, но веселья, но задора – на семерых. И работница... За 45 лет свои такой не видывал. Три бабёнки до неё топтались на телятнике, и не какая-нибудь пьяная рвань – семейные. И всё равно телята дохли. А эта пришла – ещё совсем-совсем девчонка, но в первый же день: «Проваливайте! Одна справлюсь». И как почала-почала шуровать, такую революцию устроила – на телятник стало любо зайти. Мария вернулась через три дня. Мрачная. С накрепко поджатыми губами.

Председатель колхоза: - Да ты что, перепила на свадьбе?

Мария: - Не была я на свадьбе (*с яростью, злостью выбросила на стол свои руки*).- Куда я с такими крюками поеду? Чтобы люди посмеялись?

Председатель колхоза: - Я ничего не понимаю.

Мария: - Да чего не понимать-то? Зашла на аэродроме в городе в ресторан – перекусить чего, думаю, два часа ещё самолёт на Мурманск ждать, ну и пристроилась к одному столу – полно народу: два франта да эдакая фряля накрашенная. Смотрю, а они и есть перестали. (*сорвалась на крик*) – Грабли мои не понравились! Все растрескались, все красные, как сучья, - да с чего же им понравятся?

Председатель колхоза: - Мария! Мария!

Мария: - Всё! Наробилась больше. Ищите другую дуру. А я в город поеду красоту на руки наводить, маникюры... Заведу как у этой кудрявой фрали.

Председатель колхоза: - И ты из-за этого... Ты из-за этих пижонов не поехала на свадьбу?

Мария: - Да как поедешь-то? Фроська медсестрой работает, жених офицер – сколько там будет крашенных да завитых? А разве я виновата, что с утра до ночи и в ледяную воду, и в пойло, и навоз отгребаю. Да с чего же у меня будут руки?

Председатель колхоза: - Мария, Мария! У тебя золотые руки! Самые красивые на свете. Ей-богу!

Мария: - Красивые... Только с этой красотой в город нельзя показаться.

Автор: Успокоилась немного Мария лишь тогда, когда переступила порог телятника. В 75 глоток, в 75 зычных труб затрубили телята от радости.

«Сказание о великом коммунаре»

Сцена 1

Секретарь райкома: (*Звонит по телефону*) – Самсонов, что у тебя? Докладывай. Нечего докладывать? Ну хоть картошки-то сколько – nibудь уцелело? Всю спалило, только на приусадебных участках кое у кого осталось... Ну-ну... (*Вяло опустил трубку*) (*Снова взялся за трубку*) – Санникова мне. Санников у телефона? А чему ты радуешься, товарищ Санников? Тебя что – утренником не ударило? Чего-чего? Ни про какой утренник не слыхали? Да ты что? Нет, ты серьёзно? Поздравляю, поздравляю. (*Рассмеялся*) – Герой этот Санников! Третий год подряд утренников нет. Во всех деревнях всё морозом убило, а он только похохатывает. Я заколдован, говорит. Чёрта лысого он заколдован. Болото за деревней осушено – вот в чём дело. Рассказывали мне как-то, крестьянин один у них был, ещё до революции, 40 лет болото осушал.

Корреспондент: - Сорок? Сорок лет болото осушал?

Секретарь райкома: - Сорок. Прямо какой-то Микула Селянинович! Я в прошлом году, когда мне рассказали, тоже не поверил. Фантастика какая-то, думаю, сказка. А теперь вижу – тут что-то есть.

Корреспондент: - А можно мне об этом богатыре побольше узнать?

Секретарь райкома: - А это тебе, товарищ корреспондент, в Шавагорье надо съездить, с их председателем колхоза поговорить, с Санниковым.

Сцена 2

Санников: - Так, так. Насчёт нашей знаменитости пожаловали? Был, был у нас Сила Иванович.

Корреспондент: - Сила Иванович? Так и звали?

Санников: - Так. По метрикам-то, правда, Силантий, а старые люди – Сила. Да и сам он себя Силой называл. Раз я, говорит, Силой родился, дак мне и дела надоть по моим силам. И вот придумал – с чертями сражаться. Люди пашут, сеют, воюют, а он одно знает – войну с болотом. В гражданскую, сказывают, тут, в Шавагорье, страсть что было. Один конец деревни у белых, другой у красных. А он – знать ничего не хочу. В одну руку лопату, в другую батог – старый уж был, ветром шатало, - да на своё болото. Да, понимаешь, что было? Бои стихали меж красными и белыми. Ждали, когда старик полем пройдёт. Заметный был.

Корреспондент: - Да может всё это рассказы?

Санников: - Что – рассказы? Сила Иванович – рассказы? А как же это? Всех утренником бьёт, а нас бог милует? Нет, тут болото было страсть. Как немножко сивер дунет, и по этому болоту, как по трубе, хлынет стужа на деревню. Всё сжигало, всё убивало. Сила Иванович отвёл беду от Шавогорья. Он 40 лет канавы копал да воду из болота спускал. *(на минуту задумался)* – Не знаю, не знаю, что за человек был. Зарплаты не платили, канавокопателей и всякой техники не было. Всё лопатой, всё лопатой. 40 лет. Железо вон неделю в воде полежит – и того ржа съест. А тут живой человек, из костей, из мяса, да не неделю, а 40 лет. Вот его, бывало, великим коммунарком и называли.

Корреспондент: За два дня я наслушался про Силу Ивановича всякого. Человек-богатырь, какого земля шавогорская не рожала; колдун, который всю жизнь с лешаками водился; чокнутый, не в своём уме. Матери ребятишек им пугали: вот пошали у меня, отдам Болотному – его все Болотным звали. Ходил весь в заплатках разноцветных. Не любили, не любили его при жизни-то. Умолял, на каждом сходе упрашивал: разрешите через поля, через межи тропку протоптать – в два раза у меня будет короче дорога. Не разрешили. Так до самой смерти и шастал в обход. Его на болоте мёртвым и нашли. Это уж после смерти его стали добрым-то словом вспоминать, когда он север от деревни отогнал. Перед тем, как покинуть Шавогорье, мы долго бродили с Санниковым по кладбищу, но так и не нашли могилы Силы Ивановича. Не уцелела.

Для 9-11 классов

« Были-небыли »

Чёрное море заражает человека своей энергией, своим неистовым жизнелюбием, оно возбуждает в нас желание жить, работать. Балтика, Север настраивают на философские раздумья, на разговор с вечностью.

Весна чувствует, осень размышляет.

Осина – дерево нервное. Берёзка и другие шумят ветками, а эта – каждым листочком.

Белые берёзки – тёлочки среди рыжих сосен – коров.

Серенький тёмный денёк. Но в лесу светло. Природа зажгла свои светильники – цветущую иву.

Погода меняется несколько раз на дню. Как будто на северном полюсе клапан открывают: то жару выпускают, то холод.

За рекой на песке всё лето загорает белая лошадь и никак не может загореть.

Снежная навись в лесу. На молодом сосняке – заячьими лапками, а на еловых сучьях – медвежьими тушами, и если рухнет такая туша на землю –облаком поднимется снежная пыль, и яма образуется на том месте, как от снаряда.

Одно из самых величественных зрелищ – как разгорается утренняя заря зимой. Зарево – вполнеба. Торжественно является солнце миру.

Осень. Первые утренники. И уже берёзы выбросили жёлтые флаги капитуляции.

Давно ли берёзки на поляне были как девчонки сопливые? А сейчас вытянулись, налились. Стоят как девицы на выданье.

Утром вышел к реке и ахнул: не узнать старушку. Вечер выходил – ни одного камешка не разглядишь на берегу, всё в серой тине. А сегодня берег блестит, сверкает, как разноцветная мозаика. Ночью прошёл ливень, и вот омылась, принарядилась Пинега.

«Братья и сестры» (из вступления)

Помню, я чуть не вскрикнул от радости, когда на пригорке, среди высоких плакучих берез, показалась старая сенная избушка, тихо дремлющая в косых лучах вечернего солнца.

Позади был целый день напрасных блужданий по дремучим зарослям Синельги. Сена на Верхней Синельге (а я забрался в самую глушь, к порожистым перекатам с ключевой водой, куда в жару забивается хариус) не ставились уж несколько лет. Травища — широколистый, как кукуруза, пырей да белопенная, терпко пахнувшая таволга — скрывала меня с головой, и я, как в детстве, угадывал речную сторону по тянувшей прохладе да по тропам зверья, проложенным к водопою. К самой речонке надо было проламываться сквозь чащу ольхи и седого ивняка. Русло речки перекрестило мохнатыми елями, пороги заросли лопухом, а там, где были широкие плеса, теперь проглядывали лишь маленькие оконца воды, затянутые унылой ряской.

При виде избушки я позабыл и об усталости, и о дневных огорчениях. Все тут было мне знакомо и дорого до слез: и сама покосившаяся изба с замшелыми, продымленными стенами, в которых я мог бы с закрытыми глазами отыскать каждую щель и выступ, и эти задумчивые, поскрипывающие березы с ободранной берестой внизу, и это черное огневище варницы, первобытным оком глянувшее на меня из травы...

А стол — то, стол! — осел, еще глубже зарылся своими лапами в землю, но все так же кремнево крепки его толстенные еловые плахи, тесанные топором. По бокам — скамейки с выдолбленными корытцами для кормежки собак, в корытцах зеленеет вода, уцелевшая от последнего дождя. Сколько раз, еще подростком, сидел я за этим столом, обжигаясь немудреной

крестьянской похлебкой после страдного дня! За ним сиживал мой отец, отдыхала моя мать, не пережившая утрат последней войны...

Рыжие, суковатые, в расщелинах, плахи стола сплошь изрезаны, изрублены. Так уж повелось исстари: редкий подросток и мужик, приезжая на сенокос, не оставлял здесь памятку о себе. И каких тут только знаков не было! Кресты и крестики, ершистые елочки и треугольники, квадраты, кружки... Такими вот фамильными знаками когда-то каждый хозяин метил свои дрова и бревна в лесу, оставлял их в виде зарубок, прокладывая свой охотничий путик. Потом пришла грамота, знаки сменили буквы, и среди них все чаще замелькала пятиконечная звезда... Припав к столу, я долго разглядывал эти старые узоры, выдувал травяные семена, набившиеся в прорези знаков и букв... Да ведь это же целая летопись Пекашина! Северный крестьянин редко знает свою родословную дальше деда. И может быть, этот вот стол и есть самый полный документ о людях, прошедших по пекашинской земле. Вокруг меня пели древнюю, нескончаемую песню комары, тихо и безропотно осыпались семенники перезрелых трав. И медленно, по мере того как я все больше и больше вчитывался в эту деревянную книгу, передо мной начали оживать мои далекие земляки.

«Братья и сестры» (из главы первой)

Зимой, засыпанные снегом и окруженные со всех сторон лесом, пинежские деревни мало чем отличаются друг от друга. Но по весне, когда гремучими ручьями схлынут снега, каждая деревня выглядит по-своему. Одна, как птичье гнездо, лепится на крутой горе, или щелье по-местному; другая вылезла на самый крутой бережок Пинеги — хоть из окошка закидывай лесу; третья, кругом в травяных волнах, все лето слушает даровую музыку луговых кузнечиков.

Пекашино распознают по лиственнице — громадному зеленому дереву, царственно возвышающемуся на отлогом скате горы. Кто знает, ветер занес сюда летучее семя или уцелела она от тех времен, когда тут шумел еще могучий бор и курились дымные избы староверов? Во всяком случае, по загуменью, на задворках, еще и теперь попадают пни. Полу истлевшие, источенные муравьями, они могли бы многое рассказать о прошлом деревни...

Целые поколения пекашинцев, ни зимой, ни летом не расставаясь с топором, вырубали, выжигали леса, делали расчистки, заводили скудные, песчаные да каменистые, пашни. И хоть эти пашни давно уже считаются освоенными, а их и поныне называют навинами. Таких навин, разделенных перелесками и ручьями, в Пекашине великое множество. И каждая из них сохраняет свое изначальное название. То по имени хозяина — Оськина навина, то по фамилии целого рода, или печища по-местному, некогда трудившегося сообщества, — Иняхинские навины, то в память о прежнем властелине здешних мест — Медвежья зыбка. Но чаще всего за этими названиями встают горечь и обида работяги, обманувшегося в своих

надеждах. Калинкина пустошь, Оленькина гарь, Евдохин камешник, Екимова плешь, Абрамкино притулье... Каких только названий нет!

От леса кормились, лесом обогривались, но лес же был и первый враг. Всю жизнь северный мужик прорубался к солнцу, к свету, а лес так и напирал на него: глушил поля и сенные покосы, обрушивался гибельными пожарами, пугал зверем и всякой нечистью. Оттого-то, видно, в пинежской деревне редко кудрявится зелень под окном. В Пекашине и доселе живо поверье: у дома куст — настоится дом пуст.

Бревенчатые дома, разделенные широкой улицей, тесно жмутся друг к другу. Только узкие переулки да огороды с луком и небольшой грядкой картошки — и то не у каждого дома — отделяют одну постройку от другой. Иной год пожар уносил полдеревни; но все равно новые дома, словно ища поддержки друг у друга, опять кучились, как прежде.

«Братья и сестры» (из главы десятой)

Семь дней Лукашин не знал, что творится в Пекашине. Да и до Пекашина ли ему было? Над колхозом «Рассвет» разразилась небывалая катастрофа. Во время ледохода ниже деревни образовался затор, и вода хлынула на деревню...

Люди трое суток отсиживались на крышах домов, колхозный скот погиб — во всей деревне осталось несколько коров, которых успели поднять на повети.

Он пришел в Водяны уже после того, как вода спала. Но и то, что он увидел, заставило содрогнуться. На улицах заломы бревен и досок, хлевы и бани сворочены со своих мест, ветер свищет в черных рамах без стекол... Люди, молчаливые, отупелые, грелись у костров, разложенных прямо под окнами, варили в чугунах мясо, вырубленное из все еще не обсохших коровьих туш.

Пять дней он почти не смыкал глаз: бегал, ездил по соседним деревням, добывал хлеб, доставал необходимую утварь, сгонял народ на помощь. В соседних колхозах рушились планы посевной. Председатели вставали на дыбы. Приходилось упрашивать, стыдить, кричать, чуть ли не драться...

Как ни был угнетен Лукашин нахлынувшими воспоминаниями, но вид мирного поля с пахарями взволновал его. Все было родное, знакомое с детства — и эти неторопливые лошаденки, мотающие мохнатыми головами, и скрип плужного колеса, и запах пресной земли, смешавшийся с запахом пережженного навоза.

На поле пахали четыре пахаря — три женщины и один мешковатый, приземистый мужчина, в котором он без труда узнал Трофима Лобанова. Узнал он и свою приметную хозяйку, — она на другом конце поля разбрасывала чадивший навоз. А вот которая из остальных женщин председатель, угадать было нелегко. Однако ему не пришлось блуждать по полю. Первым пахарем, к которому он подошел, оказалась сама Минина. Ни одна работа, пожалуй, не налагает на человека такого резкого отпечатка, как

весенняя пахота. Лицо Анфисы, совершенно бледное еще неделю назад, потемнело, осунулось. Черные, глубоко запавшие глаза блестели сухим режущим блеском. И голос, когда она заговорила, тоже показался ему незнакомым — простуженный, с хрипотцой.

— Ну, председатель, — нетерпеливо сказал Лукашин, едва они сели к кустам, — выкладывай! Как сев?

— Пашем помаленьку. С кормом только беда. Лошади через каждую сажень останавливаются.

— Да, вот что... — нахмурился Лукашин. — Вам придется две лошади послать в Водяны, и срочно. Слыхали, какое несчастье там?

Анфиса резко потянулась к ивовой ветке:

— А самим на себе пахать? Лошадей-то у нас сколько?

— А у них больше? — жестко сказал Лукашин. — Люди на поветях живут, в избах кирпич да глина, а вы разводите... Райком дал указание всем колхозам выделить. И коров тоже. Там ни одной коровы в колхозе не осталось.

Он свернул сигарку, помягчавшим голосом спросил:

— Когда сев рассчитываете кончить?

— В хорошие годы до войны за две недели сеяли, а нынче, видать, не скоро...

«Братья и сестры» (из главы шестнадцатой)

Отсеялись, отмучились с грехом пополам — ждали лета, но тут началось самое страшное: из-за навин опять дохнул сиверок. Свирепыми утренниками прибило первые жальца зеленой молодежи, до черноты опалило крохотную завязь на деревьях. Небывалый ветер бесновался в полях — пыль столбами крутилась над пашней. На Широком холму по крутояркам до каменной плечи выдуло почву, — прожорливая птица клевала беззащитное зерно.

От рева голодной скотины можно было сойти с ума. И чего только не делали, как только не бились люди, чтобы спасти животных! День и ночь рубили кустарник, косили прошлогоднюю ветошь, драли мох на старой гари, отошавших коров подымали на веревках, привязывали к стойлам, — и все-таки от падежа не убереглись.

По вечерам, когда над черной хребтиной заречного леса вставала луна — огромная, докрасна раскаленная, жуть охватывала людей. Откуда-то с перелесков стаями налетало голодное воронье и всю ночь до утра, оглашая деревню зловещим карканьем, кружило над скотными дворами.

Престарелые старухи, на веку не видавшие такой беды, суеверно шептали:

— Пропадем... конец света приходит...

И Анфиса, слыша это, ничем не могла утешить людей. Ее саму, крепясь, утешал Степан Андреевич:

— Ничего, в шубе сеять — в рубашке жать...

Так прошла неделя.

И вот однажды утром, когда отчаявшиеся люди уже потеряли всякую надежду на приход лета, сиверок внезапно стих. Из-за свинцовой мути робко

и неуверенно проглянул голубой глазок неба. Потом вдали, за белыми развалинами монастыря, глухо бухнуло — темные, тяжелые тучи поползли на деревню. Они ползли медленно, грозно клубясь и властно разрастаясь до самого горизонта. Над Пекашином стало темно и немо. Даже голодная скотина и та притихла в ожидании. И вдруг оглушительный грохот сотряс землю...

По всей деревне захлопали двери, ворота. Люди — в чем попало — выбегали на улицу, ставили ушаты под потоки и под проливным дождем радостно перекликались друг с другом. По вспененным лужам, как жеребята, носились босоногие ребятишки, всю весну высидевшие дома.

Началось короткое северное лето.

«Братья и сестры» (из главы девятнадцатой)

И день не день и ночь не ночь...

Таинственно, призрачно небо над безмолвной землей. Дремлют в окружении леса — темные, неподвижные. Не потухающая ни на минуту заря золотит их остроконечные пики на востоке.

Сон и явь путаются на глазах. Бредешь по селению — и дома, и деревья будто тают и зыбятся слегка, да и сам вдруг перестаешь ощущать тяжесть собственного тела, и тебе уже кажется, что ты не идешь, а плывешь над притихшей деревней... Тихо, так тихо, что слышно, как, осыпаясь белым цветом, вздыхает под окном черемуха. От деревянного днища ведра, поднятого над колодцем, отделится нехотя капля воды — гулким эхом откликнется земная глубь.

Из приоткрытых хлебов наплывает сладковатый запах молока, горечь солнца излучает избяное дерево, нагретое за день. И еще: заслышав шаги, пошевелится под крышей голубь, воркнув спросонья, и тогда, медленно кружась, пролетит на землю легкое перо, оставляя за собой в воздухе тоненькую струйку гнездовьяго тепла.

Заглохли, притихли крикливые запахи дня. Уже не разит смолищей от сосен, не тянет с луга ядовито-сладкой сивериской, от которой дохнет скотина. Зато все тончайшие запахи разнотравья, которые теряются днем, невидимым парком наплывают с поля. И какая-нибудь маленькая, неприметная, стыдливо спрятавшаяся в лопухах травка, для которой и званья-то не нашлось у людей, вдруг порадует таким непередаваемым ароматом, что томительно и сладко заноеет сердце.

Белая ночь...

Отрывок из рассказа «Сосновые дети»

Ну не глупо ли, черт побери, ночью — пускай она белая, пускай светлая как день — переходить вброд по колена речку, снимать и натягивать сапоги, карабкаться в гору — и все это ради того, чтобы взглянуть на сосны, которые с детства намозолили тебе глаза!

На горе, в пахучем березняке, Игорь выломал пару веток, протянул мне: отмахивайся от комара.

Вечерняя заря еще не погасла. Далеко на горизонте чернела зубчатая гряда леса. И над этой грядой то тут, то там поднимались багряные сосны — косматые, похожие на вздыбленных сказочных медведей.

Под ногами похрустывают сухие сучки. Лопочут, шлепая прохладной листвой по разгоряченному лицу, беспокойные, не знающие и ночью отдыха осинки. Игорь в белой рубахе, окутанный серым облаком гнуса, как олень, качается в кустах. Матерый опытный олень, безошибочно прокладывающий свою тропу.

Леса еще не видно, но в воздухе уже знойно и остро пахнет сосновой смолой. А вот и сам лес.

Мы стояли на опушке осинника, и перед нами простиралась громадная равнина, ошетилившаяся молодым сосняком. Вдали, на западе, равнина вползала на пологий холм, и казалось, что оттуда на нас накатывается широкая морская волна. И самые сосенки, то иссиня-черные, то сизые до седины, то золотисто-багряные со светлыми каплями смолы, напоминали нарядную, пятнистую шкуру моря.

Игорь сказал:

— Ну, не жалеешь, что пошел?

А потом вдруг обхватил руками ближайший садик сосенок — они росли купами, — ткнулся в них лицом:

— Вот мои ребятишки!

— И ты говоришь, все это сотворил одной мотыгой? — спросил я, снова и снова оглядывая равнину.

— Да, Алексей. Мотыгой — нашим пинежским копачом и вот этими руками! — Игорь выбросил кверху небольшие темные руки, сжатые в кулаки. — Я приехал сюда зимой. Тогда и в помине еще не было, чтобы лес восстанавливать. А я думаю — шалишь! Не на лежку сюда приехал. Раз ты к лесу приставлен — оправдай себя. Самая загвоздка, конечно, была в семенах. Ну я смикитил. Мальчишек на лесопункте кликнул — целый шишкофронт открыл. Им это в забаву — по соснам лазать, а мне польза...

Вдруг Игорь задумался, тяжело вздохнул.

— Ну и Наташе, конечно, досталось. Это уж после, когда эти сопляки на цыпочки поднялись. Жара была, Алексей, они у меня начали сохнуть — как котята без молока. Ну, я копач в руки и давай махать с утра до ночи. И вот, понимаешь, Наташа тогда в положении была. Зачем же вот ей-то было за копач браться? Недоглядел, Алексей. Нескладно у нас получилось. Врачи говорят: конец вашим детям...

Белая ночь проплывала над нами. Над ухом жалобно попискивали комары. Игорь с опущенной головой, белый, как привидение, стоял до пояса погруженный в колючий потемневший сосняк.

— Ничего, — заговорил он сдавленным шепотом. — Ничего! — И вдруг опять уже знакомым мне, каким-то по-отцовски широким и щедрым объятием обхватил сосенки. — Вот мои дети!.. Наташа плачет, убивается, а я говорю: не плачь; кто чего родит — одни ребяташек с руками да ногами, а мы, говорю, с тобой сосновых народим. Сосновые-то еще крепче. На века. Согласен, Алексей? — И вдруг Игорь, не дождавшись моего ответа — решенное дело! — громко и раскатисто, да так, что эхо взметнулось над притихшим сосняком, рассмеялся. Надо было возвращаться домой. Но как же не хотелось расставаться с этим сосняком! Или это потому, что теперь уж эти сосенки-подростки для меня не просто молодой сосняк, а Игоревы дети?

Очерк «О первом учителе»

Но никто, ни один человек за всю жизнь не оказал на меня столь могучего нравственного воздействия, как сельский учитель Алексей Фёдорович Калининцев.

Всё поражало нас, школьников, в этом немолодом уже человеке. Поражали феноменальные по тем далёким временам знания, поражала неистощимая и в то же время спокойная, целенаправленная энергия, поражал даже самый внешний вид его, всегда подтянутого, собранного, праздничного.

Никогда не забуду свою первую встречу с Учителем.

Был мартовский воскресный морозный и ясный день 1934 года, и я, четырнадцатилетний деревенский паренёк, с холщовой сумкой за плечами, в которой вместе с бельишком была какая-то пара ячменных сухариков (тогда ведь была карточная система - 300 граммов хлеба на иждивенца!), в больших растоптанных валенках с ноги старшего брата, впервые в жизни вступил в нашу районную столицу - Карпогоры. Тогда это было обыкновенное северное село, но мне в нём всё казалось удивительным: и каменный магазин с железными дверями и нарядной вывеской, и огромное, по тогдашним моим представлениям, здание двухэтажной школы под высоким, мохнатым от снега тополем, где мне предстояло учиться, и необычное для моей родной деревни многолюдье на главной улице. Но, помню, всё это вмиг забылось, перестало для меня существовать, как только я увидел его, Алексея Федоровича.

Он шел по снежному утопанному тротуару один-единственный в своем роде - в поскрипывающих на морозе ботинках с галошами, в тёмной фетровой шляпе с приподнятыми полями, в посверкивающем пенсне на красном от стужи лице, и все, кто попадался ему навстречу - пожилые, молодые, мужчины, женщины, - все кланялись ему, а старики даже шапку с головы снимали, и он, всякий раз дотрагиваясь до шляпы рукой в кожаной перчатке, отвечал: «Доброго здоровья! Доброго здоровья!»

Такого я ещё не видывал. Не видывал, чтобы в наши лютые морозы ходили

в ботинках, в шляпе, чтобы все от мала до велика так единодушно почитали человека.

Да, Алексей Фёдорович умел поддержать своё реноме народного учителя: самая обычная прогулка по райцентру у него превращалась в выход, но, конечно, великую любовь и уважение к себе моих земляков он снискал прежде всего своим безответным, поистине подвижническим служением на ниве народного просвещения.

В тридцатые годы в стране не хватало учителей, тем более на вес золота были они у нас, в лесной глуши. И вот Алексей Федорович, для того чтобы не сорвать в школе учебный процесс, годами осваивал предмет за предметом. Он вел у нас ботанику, и зоологию, и химию, и астрономию, и геологию, и географию, и даже немецкий язык. Немецкий язык он выучил самостоятельно, уже будучи стариком, чтобы дать нам, первым выпускникам, хоть какое-то представление об иностранном языке.

А как назвать, какой мерой измерить то, что он делал для нас как преподаватель дарвинизма! Один-единственный учебник на весь класс! И все же мы знали предмет, знали учебник. По конспектам, составленным Алексеем Федоровичем.

И я завидую, безмерно завидую тем, кто может постоять с обнажённой головой у могилы своего любимого учителя. Мы, пинежане, сделать этого не можем. Мы не уберегли нашего Учителя. Он пал жертвой клеветы и наветов, и мы даже не знаем, где и как кончил он свои дни.

Использованная литература

1. Ф.А.Абрамов «Алые олени». - М.: «Малыш», 1982
2. Ф.А.Абрамов «Из колена Аввакумова». – М.: «Современник», 1989
3. Ф.А.Абрамов «Трава-мурава. Были-небыли: Миниатюры. Чтобы красота не пропала. Рассказы. – СПб.: МП РИЦ «Культ-информ-пресс», 1993
4. Ф.А.Абрамов. Собрание сочинений в шести томах.- Л.: «Художественная литература», 1991.

